

или деепричастием), определяет ее так: „он (союз „и“) служит указанием на субъективную последовательность восприятий, явственным выражением медленности, с которою в говорящем один акт мысли следует за другим. В разных течениях языка, иногда личных, иногда более общих, различна степень потребности этих (с точки позднейшего, преимущественного письменного гипотактического языка) плеонастических частиц, заполняющих собою пробелы мысли. В немерной речи они более бросаются в глаза, чем в мерной. (В начале стиха или полустушия эксплетивные частицы менее заметны с позднейшей точки, чем внутри полустуший: чем теснее ожидается связь, тем более поражает ее нарушение). Чем строже стихотворный размер, напр. серб. десятисложный, чем реже встречаются в нем союзы эксплетивные, напр. в серб., тем более выделяются и обособляются, как остатки старины обороты «кита и сватови». Наоборот, — тем труднее выделить обороты «кита и сватови» в особый разряд, чем чаще эксплетивные союзы в случаях, например атрибу. сочетания существительного и прилагательного или объективного сочетания падежа с родительным принадлежности. Такое «и» плеонастичное в серб. и мр. редко; но оно часто у некоторых певцов свр. былин¹. Это — другая позиция, одинаково неприемлемая, как и первая, потому что все в фольклоре отличное от норм современного литературного языка, заносится в категорию архаизмов, а устная поэзия рассматривается как обломок, остаток глубокой старины, сохранивший ее в языке почти в полной неприкосновенности. Не может быть ничего более антиисторичного, чем это утверждение, так как устная поэзия живет на языке, современном моменту записи, и архаические формы чрезвычайно в ней редки, а то, что продолжает жить, переосмыляется в свете непрерывно изменяющегося сознания. Плеонастические союзы, частицы в записях русских былин XVIII—XX вв. нельзя объяснять на основе древних текстов. Таково, возможно, их происхождение, но семантическая и стилистическая функция их в устной поэзии XVII—XX вв. совершенно иная. Не говоря уже о том, что наличие плеонастических частиц, союзов и других слов обуславливается очень часто ритмом, способом исполнения, индивидуальной стилистической манерой (например, начинать каждый стих частицей или союзом: а, ай, аж, аї же, да, ну и, как и и т. п.), в языке устной поэзии есть свои специфические стилистические и семантические особенности и приемы, отличающие ее от современной письменной литературы (также от литературы XIX в.). К числу таких особенностей относятся рассматриваемые синонимические пары с союзами и без союзов, а следовательно и роль самих союзов. Вместе с этим, часто союзы „и“, „да“ выступают в фольклоре в той функции, которая присуща им в современном литературном языке (соединительная и присоединительная), но есть и другой ряд случаев, где „и“, „да“ являются союзами усилительными. В качестве усилительных они стоят и между синонимами, причем ощущаются как живая

¹ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, III. Харьков, 1899, стр. 281—282.